

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА В XXI ВЕКЕ (по материалам научно-практической конференции, проведенной кафедрой уголовного права и процесса в июне 2008 года)

В июне 2008 года на кафедре уголовного права и процесса была проведена научно-практическая конференция, посвященная памяти Заслуженного деятеля науки Республики Татарстан, профессора Б.С. Волкова.

С докладами и сообщениями по актуальным вопросам уголовного права и процесса выступили преподаватели, аспиранты и студенты, после чего состоялось интересное обсуждение поставленных проблем, были предложены оригинальные решения. На конференции обсуждались последние изменения российского уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства за последние два года, были намечены перспективы развития науки уголовного права, уголовного процесса, криминологии, уголовно-исполнительного права. Как преподаватели, так и аспиранты и студенты выступили с интересными предложениями по совершенствованию действующего законодательства и его практического применения.

Заведующая кафедрой, д.ю.н., профессор Т.Ф. Минязева

Понятие мер уголовно-правового характера в УК РФ и уголовном праве

Термин «иные меры уголовно-правового характера» давно известен теории уголовного права. Этим понятием оперирует и законодательство. В частности, в ч. 2 ст. 2 УК говорится о том, что для осуществления поставленных задач настоящий Кодекс устанавливает «...виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений». Согласно ч. 2 ст. 2 УИК РФ «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации устанавливает общие положения и принципы исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом». По смыслу вышеупомянутых статей закона к мерам уголовно-правового характера, прежде всего, относятся все виды наказаний. Вместе с тем с июля 2006 г. Раздел VI УК стал называться «Иные меры уголовно-правового характера», к которым отнесены «Принудительные меры медицинского характера» и «Конфискация имущества». Но в УК РФ нет ни определения мер уголовно-правового характера, ни их перечня. А ведь понятно, что такие меры существовали и до июля 2006 г. Отметим, что принудительные меры медицинского характера содержались и в УК РСФСР. Они рассматривались как средства лечения лиц, поведение которых опасно для общества. В соответствии со ст. 98 УК РФ целью принудительных мер медицинского характера является также предупреждение совершения лицами, к которым они применены новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК, и в этом смысле принудительные меры медицинского характера включают в себя юридические начала.

Определения мер уголовно-правового характера нет и в учебниках, курсах по уголовному праву (см., например, Курс советского уголовного права. Часть общая.

Т. 2. М., 1970; Уголовное право России. Общая часть / Под ред. В.П. Малкова и Ф.Р. Сундунова. Изд-во Казанского университета, 1994; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под общей ред. А.И. Рарога и А.И. Чуачаева. М.: Контракт, 2004; Уголовное право России: Учебник для вузов. Т. 1. Общая часть / Под ред. д.ю.н. А.Н. Игнатова, д.ю.н. Ю.А. Красикова. М.: НОРМА. 2005; Российское уголовное право. Общая часть: Учебник. Т. 1 / Под ред. д.ю.н. Л.В. Иногамовой-Хагай, д.ю.н. В.С. Комисарова, д.ю.н. А.И. Рарога. 2-е изд. М.: Проспект, 2007 и др.). В специальной литературе при анализе проблем уголовной ответственности и формах ее реализации, уголовно-правовом воздействии дается разный перечень этих форм, раскрывается механизм уголовно-правового воздействия, включающий в себя меры уголовно-правового характера, но без установленного законом термина (см., например, Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие. Теория и практика. Научная книга. Самарская юридическая академия, 2003; Лесникова-Костышева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория, законодательная практика. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 1998; Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны. Основные методологические проблемы. М., 1992. и др.). Принудительные меры медицинского характера всегда стояли особняком, так как, их содержание и цели применения в большей мере связывались с медицинскими критериями.

В современный период в целях повышения эффективности применения норм права необходимы единая законодательная и доктринальная терминология, а также уяснение содержащихся в законе понятий. Это необходимо студентам, аспирантам, изучающим уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное право, и органам, применяющим уголовно-правовые нормы.

Между наказанием и иными мерами уголовно-правового характера много общего, в частности: они являются мерами государственного принуждения, применяются от имени государства; содержатся в нормах Общей части УК; применяются за совершение деяний, предусмотренных в нормах Особенной части УК; образуют самостоятельные формы индивидуализации уголовной ответственности; в большинстве случаев применяются к лицу, признанному судом виновным в совершении преступления; по своему содержанию выражаются в предусмотренных УК РФ лишениях или ограничениях прав и свобод лиц, которым они назначены; назначаются в одинаковых с наказанием целях. В то же время можно выделить и отличающие их признаки. Так, иные меры уголовно-правового характера не перечислены в отдельной статье общей части (подобно перечню видов наказаний в ст. 44 УК); их сущность и содержание раскрываются в разных главах и статьях Общей части УК; они не содержатся в санкциях Особенной части УК; не влекут состояния судимости как правового последствия отбытого наказания. Судимость длится только на период исполнения назначенной меры; не все из них назначаются в рамках реализации уголовной ответственности. В частности, при назначении принудительных мер медицинского характера лицам, совершившим деяния, предусмотренные Особенной частью УК, в состоянии невменяемости, речь идет не об уголовной ответственности, а о целесообразности, ввиду их психического состояния, претерпевания принуждения за опасность содеянного. Именно потому, что эти меры содержатся в УК и назначаются только за совершение предусмотренных в нем деяний, законодатель отнес их к мерам уголовно-правового характера. Принудительные меры медицинского характера, назначаемые лицам, находящимся в состоянии невменяемости после совершения преступления или в период исполнения назначенного судом наказания, частично связаны с реализацией уголовной ответственности за содеянное.

С учетом рассмотренных признаков меры уголовно-правового характера можно определить как содержащиеся в нормах Общей части УК виды государственного принуждения, назначаемые судом лицам, совершившим деяния, предусмотренные нормами Особенной части УК и выражающиеся в лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Их видами являются наказание и иные меры.

Под иными мерами уголовно-правового характера следует понимать содержащиеся в нормах Общей части УК виды государственного принуждения, не являющиеся наказанием и назначаемые судом, главным образом, лицам, признанным виновными в совершении деяний, предусмотренных нормами Особенной части УК, выражающимися в ограничении их прав и свобод на период их применения. Исключением являются случаи назначения принудительных мер медицинского характера лицам, находившимся в состоянии невменяемости на момент совершения предусмотренного УК деяния; такие лица не признаются виновными и не считаются судимыми.

К иным мерам уголовно-правового характера относятся не только выделенные с июля 2006 года в разделе VI главы 15 «Принудительные меры медицинского характера» (ст. 97–104) и 15.1 «Конфискация имущества» (ст. 104.1, 104.2, 104.3), но и условное осуждение, отсрочка отбывания наказания, принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, признанным виновными в совершении преступлений, вместо наказания. Все эти меры являются самостоятельными формами выражения принципа неотвратимости претерпевания лицом принудительных лишений и ограничений за совершение деяний, предусмотренных Особенной частью УК, и потому содержатся в разных главах его Общей части.

Так, нормы об условном осуждении (ст. 73, 74 УК) содержатся в главе 10 «Назначение наказания». Это связано с тем, что условным считается назначенное наказание (исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет). Само осуждение реально и связано с установлением разного рода ограничений для лица, которому оно назначено.

Нормы об отсрочке отбывания наказания (ст. 82 УК) расположены в главе 12 «Освобождение от наказания». И действительно, женщин, занимавшихся в период отсрочки воспитанием ребенка, по прошествии 14–15 лет освобождают от отбывания назначенного наказания в силу его нецелесообразности.

Нормы о принудительных мерах воспитательного воздействия (ч. 2 ст. 90, 91, 92 УК) приводятся в главе 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Принудительные меры медицинского характера — в главе 15. Их специфика обусловлена сочетанием юридических и медицинских начал. Конфискация имущества посвящена отдельная глава 15.1.

Иные меры уголовно-правового характера могут применяться при наличии особых обстоятельств, характеризующих лиц, которым они назначаются, с учетом степени общественной опасности и характера содеянного: либо к лицам, находившимся в момент совершения преступления или после его совершения в состоянии невменяемости, или страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости; либо к лицам, совершившим преступления, исчерпывающий перечень которых дан в ст. 104 УК; либо к несовершеннолетним, а в исключительных случаях — к лицам, совершившим преступление в возрасте от восемнадцати до двадцати лет (ст. 96 УК), что обусловлено целесообразностью экономии репрессии в отношении лиц молодежного возраста; либо к беременным женщинам или женщинам, имеющим малолетних детей в возрасте до 14 лет; либо если суд, уже назначив виновному лицу наказание, придет к выводу о возможности исправления осуж-

денного без реального его отбывания, но с ограничениями в тех или иных правах (при условном осуждении).

Посредством возможности назначения всех мер уголовно-правового характера реализуется принцип неотвратимости претерпевания установленных законом лишений за совершенное общественно опасное деяние. Назрела необходимость в процессе совершенствования действующего УК РФ определить в отдельной норме понятие мер уголовно-правового характера, например в ч. 1 ст. 43, а в ст. 44 дать перечень иных, кроме наказаний, мер уголовно-правового характера.

Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., профессор А.Н. Игнатов
Проблемы совершенствования уголовного законодательства
о преступлениях против личности

В современных условиях особое значение имеет охрана жизни людей. УК 1996 г. повысил санкции за убийство. Большое значение имеет правильная квалификация совершенного убийства, особенно когда оно совершено при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Так, в практике возник вопрос можно ли рассматривать состояние глубокого сна или сильного опьянения как беспомощное состояние. Верховный Суд РФ по ряду дел не признал в этих случаях беспомощное состояние, хотя очевидно, что человек в этих случаях не способен ни оказать сопротивления преступнику, ни скрыться от него.

Дискуссионным является и вопрос о понятии группы лиц, совершающих убийство без предварительного сговора. В случаях, когда убийство совершается несколькими исполнителями, но субъектом уголовной ответственности является только один из группы, по моему мнению, он должен отвечать по ч. 2 ст. 105 УК РФ как за преступление, совершенное группой лиц. В данном случае нет соучастия, но есть повышенная объективная опасность преступления, осознаваемая виновным. К аналогичному мнению пришел Президиум Верховного Суда РФ по делу Прокопьева (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4. Ст. 18).

Также вопрос возникает по делам об изнасиловании, когда насильственное половое сношение с потерпевшей совершают несколько человек, из которых только один является вменяемым и достигшим возраста уголовной ответственности.

В связи с изменением редакции ст. 17 УК РФ возник вопрос, как квалифицировать убийство, сопряженное с разбоем, изнасилованием. Нужно ли в этих случаях квалифицировать деяние по совокупности преступлений?

Представляется, что в указанных случаях одновременно осуществляются посягательства на разные объекты, совершаются разные действия и формируется разный умысел на совершение, например, изнасилования и убийства потерпевшей.

Поэтому в данном случае только квалификация по совокупности правильно отразит характер совершенного преступного деяния.

В УК РФ впервые в России была включена статья об ответственности матери за убийство новорожденного ребенка с более мягкой санкцией.

В связи с этим возникает вопрос, как квалифицировать действия лиц, подстрекающих мать к убийству (ч. 1 ст. 105), или в квалифицированном подстрекательстве к убийству лица, находящегося в беспомощном состоянии (ч. 2 ст. 105).

А если мать, будучи физически не в состоянии убить новорожденного ребенка, просит об этом другое лицо, должна ли она отвечать за соучастие в убийстве лица, находящегося в беспомощном состоянии (ст. 17 и ч. 2 ст. 105)?

При установлении уголовной ответственности за доведение до самоубийства российский законодатель не предусмотрел склонение, уговоры и убеждения к са-

моубийству несовершеннолетних, как это сделано в ряде развитых стран, например, в Испании.

Дискуссионным остается и вопрос о юридической оценке эвтаназии. Во многих европейских государствах ответственность за эвтаназию установлена более мягкая, чем за простое убийство, а в Голландии и Бельгии эвтаназия вообще легализована.

Этот вопрос заслуживает серьезной проработки и изучения опыта других развитых стран.

Решение поставленных вопросов потребует внесения изменения в уголовное законодательство.

Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., профессор В.Н. Махов
Неоправданное сужение полномочий прокурора
по уголовному преследованию

Термина «уголовное преследование» не было в УПК РСФСР. В УПК РФ понятие и содержанию уголовного преследования посвящены главы 20 и 21. Кроме того, в п. 55 ст. 5 УПК РФ записано, что уголовное преследование — процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Термин «уголовное преследование» содержится в ряде других статей УПК РФ. Но в науке уголовного процесса нашей страны, несмотря на обилие публикаций, в том числе монографий, по данной актуальной проблеме наблюдается широкий разброс мнений о начале и окончании уголовного преследования, его соотношении с процессуальным руководством расследованием и прокурорским надзором за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие. В ряде хороших в целом учебников о прокурорском надзоре нет отдельных разделов об уголовном преследовании, то есть о том направлении деятельности прокуратуры (Прокурорский надзор в РФ: Учебник / Под ред. М. Чувилева. М.: Юрист, 2006; Российский прокурорский надзор: Учебник / Под ред. А.Я. Сухарева. М.: Норма, 2002; Прокурорский надзор: Курс лекций и практикум. 5-е изд. / Под ред. Ю.Е. Винокурова. М.: Экзамен, 2003), о котором прямо записано в Законе о прокуратуре. Изменения и дополнения, внесенные в УПК РФ в июне 2007 года, дали основания для внесения корректив в то представление об уголовном преследовании в ходе предварительного следствия (Роль прокурора в уголовном преследовании по делам, расследуемым в форме дознания, требует отдельного анализа.) и соотношения роли прокурора и следователя в его осуществлении, которое все же в основном сформировалось, несмотря на расхождение мнений отдельных авторов по довольно частным вопросам.

На первый взгляд, трудно понять, почему изменения и дополнения, внесенные в УПК РФ в июне 2007 года, лишили прокуроров права принимать и рассматривать заявления, сообщения о совершенных преступлениях и возбуждать уголовные дела, а вместе с тем, по мнению ряда авторов, и уголовное преследование. В этом контексте напомним, что согласно ч. 1 ст. 27 УПК уголовное преследование может прекращаться, а стало быть, и возбуждаться в отношении не только обвиняемого, но и подозреваемого, то есть при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица.

Но многое становится яснее, если вникнуть глубже в данную проблему, обратиться к опыту зарубежных стран, где отсутствует стадия возбуждения уголовного дела, а вопрос о возбуждении уголовного преследования прокурор решает, изучив материалы полиции о выявленном преступлении и лице, подозреваемом в его совершении.

В США прокуроры обычно не участвуют непосредственно в полицейском дознании. Полицейские нередко обращаются в суд за решением на арест или обыск, минуя прокурора. Но полиции все равно приходится обосновывать перед прокурором произведенные ею аресты и составляемые ею обвинения до того, как он возбудит производство по уголовному делу в суде (Уильям Бернам. *Правовая система США*. 3-й вып. М.: Новая юстиция, 2006. С. 452). В уголовном процессе ФРГ прокурор предъявляет обвинение не в ходе предварительного расследования: обвинение может быть возбуждено только после его окончания (Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонова Б.А. *Уголовный процесс западных государств*. М.: Зерцало, 2002). Подобным образом во Франции прокурор направляет материалы уголовного дела со своим предварительным заключением об обвинении в обвинительную камеру. Не вдаваясь в подробности передачи прокурором уголовного дела в суд с обвинительным заключением (а они в каждой стране разные), отметим следующее. В указанных и ряде других зарубежных стран прокурор, решая вопрос о возбуждении уголовного преследования и направлении уголовного дела в суд, руководствуется не только принципом законности, но и целесообразности.

В нашем же уголовном процессе, после изменений и дополнений, внесенных в УПК в июне 2007 г., прокурор не вправе прекратить уголовное преследование, уголовное дело, полученное от следователя с обвинительным заключением. Он вправе лишь согласно п. 15 ст. 37 УПК РФ вернуть уголовное дело со своими указаниями о производстве дополнительно расследования.

Если до анализируемых изменений и дополнений письменные указания прокурора были обязательны для следователя, то теперь согласно ч. 4 ст. 221 УПК РФ решение прокурора о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования может быть обжаловано следователем с возможным отстаиванием им своей позиции в нескольких инстанциях, вплоть до Генерального прокурора РФ.

Письменные требования прокурора о производстве следственных действий обязательны для следственного судьи во Франции; были они обязательны и для судебных следователей в дореволюционной России. В ФРГ если прокуратура считает необходимым предпринять судебские следственные действия (здесь нет судебных следователей или следственных судей), то она обращается с ходатайством об этом в участковый суд. В США прокуроры, получив уголовное дело из полиции, вправе прекратить его или отказаться от обвинения. Прокурор в уголовном процессе нашей страны теперь лишен права давать письменные указания следователю о производстве следственных действий до поступления к нему уголовного дела с обвинительным заключением.

Изменения и дополнения, внесенные в УПК РФ в июне 2007 г., имели благие намерения: лишить прокурора полномочий осуществлять одновременно две функции, т.е. функцию процессуального руководства следствием (она же и функция уголовного преследования) и функцию надзора за исполнением закона следователями.

Но получилось так, что у прокурора существенно урезали полномочия не только по надзору за следствием, но и по уголовному преследованию. Обе эти функции за прокурором сохранились, однако в основном лишь с этапа окончания предварительного следствия.

И все же необходимо признать, что отдельные действия, связанные с осуществлением функции уголовного преследования, прокурор уполномочен осуществлять до поступления к нему уголовного дела с обвинительным заключением.

Несмотря на то что прокурор лишен права приема, регистрации и рассмотрения заявлений, сообщений о совершенных преступлениях, он согласно ч. 2 ст. 37 УПК РФ уполномочен в ходе досудебного производства по уголовному делу:

– проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении указанных сообщений (п. 1);

– выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных им нарушений уголовного законодательства (п. 2);

– рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ним решения (п. 7).

Кроме того, согласно ч. 4 ст. 146 УПК, если прокурор признает постановление о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, он вправе в срок не позднее 24 часов с момента получения материалов отменить постановление о возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление. Таким образом, прокурор не вправе возбуждать уголовное дело (а вместе с тем и уголовное преследование), но вправе отменять решение об этом в крайне ограниченный срок.

В новой редакции ст. 37 УПК РФ сохранилась часть 4 о праве прокурора в порядке и по основаниям, которые установлены УПК РФ, отказаться от уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения. Но эта норма, по нашему мнению, имеет отношение к стадиям судебного производства по уголовному делу, т.к. помещена она непосредственно после части 3, в которой записано о том, что прокурор в ходе судебного производства по уголовному делу поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность.

Вывод очевиден. Законодатель сделал еще один шаг к сближению нашего порядка досудебного производства по уголовным делам и роли в этом производстве прокурора с тем порядком, который установлен в уголовном процессе западных государств. Но реализовать такое сближение в большей мере в настоящее время крайне сложно, т.к. наше досудебное производство по уголовным делам до сего времени остается эксклюзивным: оно еще сохранило два стержневых института, созданных в годы социализма — стадию возбуждения уголовного дела вместо полицейского дознания и институт предварительного следствия, осуществляемого представителями не судебной, а исполнительной власти.

Представляется, что эффективность предварительного следствия в нашем уголовном процессе нельзя повысить сужением полномочий прокурора в его производстве. Прежде всего, целесообразно реформировать начальную стадию уголовного процесса, возродить дознание, основной задачей которой должно стать не только выявление преступлений, но и их раскрытие посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением ... при этом как можно реже прибегая к письменности (Викторовский С.И. Русский уголовный процесс: Учебное пособие. М.: Городец, 1997. С. 351–352).

Только с принятием этих новелл можно преодолеть то кризисное положение, в котором находится наше досудебное производство — половина всех выявленных преступлений в 2007 году остались нераскрытыми (1 млн. 800 тыс.); оперативным путем были раскрыты только треть преступлений (Ямшанов Б. Под надзором: Генеральный прокурор Ю. Чайка ответил на вопросы корреспондента Российской газеты // Российская газета. 2008. 22 февр.). Эти новеллы позволят вместе с тем сближить наше досудебное производство, институт уголовного преследования, роль в нем прокуроров с тем, которое существует в уголовном процессе зарубежных государств с развитыми демократическими устоями.

Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., профессор А.А. Леви***К Вопросу о собирании и обеспечении достоверности доказательств***

Собирание доказательств и обеспечение их достоверности — одна из основных задач судопроизводства. Значительная роль в настоящее время в реализации этой задачи отведена защитнику, права которого в данной области во многом расширены.

Так, в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ «Защитник вправе собирать доказательства путем: ... опроса лиц с их согласия». Однако в законе ничего не говорится о процессуальной форме данного опроса, порядке фиксации его результатов, еще не имеющих статус доказательств, который они могут приобрести лишь после решения органов предварительного расследования или суда о приобщении письменных результатов данного опроса к материалам дела или допроса в качестве свидетеля лица, с которым беседовал защитник.

Неясно также, как должен проходить опрос, может ли быть в дальнейшем приобщено к делу письменное изложение ответов опрошенного или записи и фонограмма опроса, осуществленные защитником, может ли последний предупредить опрашиваемого об ответственности за дачу ложных объяснений.

Возникает интересный теоретически и важный для практики вопрос о возможности распространения на изложенные выше случаи правил «обеспечения доказательств» нотариусом, предусмотренных главой XX «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате»?

Если деятельность защитника по опросу граждан законом никак не регламентируется, указывается лишь на необходимость согласия на беседу опрашиваемого, то обеспечение доказательств нотариусом регламентируется довольно подробно. В ст. 103 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» указывается, что «В порядке обеспечения доказательств нотариус допрашивает свидетелей, производит осмотр письменных и вещественных доказательств, назначает экспертизу». Обращает на себя внимание, что нотариус не «опрашивает» лиц, как защитник, а «допрашивает» их, причем предупреждая об ответственности за дачу ложных показаний.

В связи с правом защитника при собирании доказательств получать предметы и документы (п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ), как и в случае опроса лиц, неясно, как эти предметы и документы, еще не имеющие процессуального статуса, могут быть использованы защитником в доказывании.

С нашей точки зрения, в данном случае, как и при опросе лиц, очень полезным может быть обращение к нотариусу, который в порядке обеспечения доказательств проведет осмотр представленных материалов и составит соответствующий протокол, более того, он же в случае необходимости может назначить экспертизу по проверке подлинности данных объектов и присущих им признаков, например, для исключения подделки или восстановления угасших текстов на представленных документах. По-видимому, экспертиза может быть назначена нотариусом и в процессе обеспечения доказательств по произошедшему дорожно-транспортному происшествию, когда дело еще не возбуждено.

Подобным образом оформленный материал полностью соответствует понятию такого вида доказательств, как «иные документы», предусмотренному ст. 84 УПК РФ, и может быть в дальнейшем приобщен к материалам дела.

Это особенно важно в тех случаях, когда информация, фиксируемая нотариусом, в связи с болезненным состоянием лица или его выезда в другую отдаленную местность, в дальнейшем, когда это понадобится, не может быть получена.

Однако возникает вопрос: вправе ли нотариус совершать данные действия при обращении к нему защитника с соответствующей просьбой?

В соответствии со ст. 102 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» обеспечение доказательств нотариусом или иное их соответствующее оформление осуществляется «в случае возникновения дела в суде или административном органе». Однако далее записано, что «нотариус не обеспечивает доказательства по делу, которое в момент обращения заинтересованных лиц к нотариусу находится в производстве суда или административного органа».

Подобное соотношение формулировок навряд ли можно признать юридически корректным, так как первоначально говорится: «в случае возникновения дела в суде или административном органе», то есть дело уже «возникло», а далее оговаривается, что если дело уже находится в производстве, то нотариус «обеспечивать» доказательство не вправе. Вероятно, было бы правильнее выбрать одно из этих положений.

Но, вообще говоря, неясно, почему нотариус или выполняющее нотариальные действия консульское учреждение Российской Федерации (п. 15 ст. 38 «Основ») не могут обеспечивать доказательства после того, как началось судебное или административное производство, хотя защитник вправе это делать не только до, но и после начала и в ходе уголовного судопроизводства.

Во всяком случае, до того как органы предварительного расследования или суд начали процессуальные действия по делу и защитник заранее осуществляет оказание юридической помощи своему клиенту, обращение к нотариусу в порядке обеспечения доказательств, безусловно, допустимо.

Неясно также, почему при действиях по обеспечению доказательств нотариус руководствуется только нормами гражданского процессуального законодательства Российской Федерации (ст. 103 «Основ»), хотя необходимость обеспечения доказательств иногда появляется и в случаях возможного возникновения уголовного дела.

Однако при сегодня действующих процессуальных правилах обеспечения доказательств нотариусом разницы между нормами гражданского и уголовного судопроизводства, регулирующими получение доказательств, практически нет и, кроме того, ничто не мешает рассматривать и оценивать в уголовном процессе доказательства, полученные до этого при рассмотрении гражданского дела.

С нашей точки зрения, для осуществления предлагаемой нами практики собирания доказательств защитником путем его обращения к нотариусу, имеющему право их обеспечения, нет необходимости принятия каких-либо новых законоположений, достаточно было бы соответствующих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и Нотариальной палаты того же уровня, основанных на изучении и обобщении существующей практики по указанным вопросам.

Полезно от практики привлечения нотариусов к обеспечению доказательств по уголовным делам была бы несомненной.

Аспирант кафедры уголовного права и процесса РУДН

Али Али Нашер Мутахар

Контрабанда в арабских странах

Контрабанда является не только опасным экономическим преступлением, но и политическим, культурно-социальным, военным преступлением, поэтому наказание за контрабанду должно быть достаточно строгим.

В определении понятия таможенной контрабанды законодательство современных государств придерживается одного из двух направлений. Первое направление выражается в ограничении контрабанды деяниями, с помощью которых осуществ-

ляется уклонение от обязательных таможенных пошлин без всякого на то права, к этому направлению относятся, например, Закон о таможне Италии от 1940 г., Закон о таможне Австрии от 1955 г. и Закон о таможне Греции 1940 г. Что касается нарушений законодательств, регулирующих импорт и экспорт товаров, то они рассматриваются в качестве самостоятельных преступлений, которые не регламентируются нормами Закона о таможне, так как подпадают под действие собственно законов об импорте и экспорте.

Второе направление законодательств при определении таможенной контрабанды не ограничивается только этим значением, подразумевая под ней также ввоз товаров в страну или их вывоз из страны в нарушение законов об импорте и экспорте, даже если это не наносит финансового ущерба государственной казне. В качестве примера отметим Закон о таможне Франции от 1948 г., который в своей ст. 417 дает определение понятия контрабанды как тайного ввоза товаров через таможенные пункты, а также нарушения юридических и нормативных ограничений, касающихся приобретения или перемещения товаров внутри таможенной зоны во Франции. К этой группе относятся также Закон о таможне Аргентины от 1956 г., Закон о таможне Колумбии от 1954 г. и др.

Таможенный закон Иордании № 20 от 1998 г. придерживается второго направления, дав определение контрабанды в ст. 203, согласно которой контрабандой является «ввоз товаров в страну или их вывоз из страны в нарушение действующего законодательства без уплаты таможенных пошлин, других сборов и налогов полностью или частично или в нарушение норм запрета или лимитирования перечисленных в данном Законе или в иных законах положениях».

По Таможенному закону Египта контрабандой является «ввоз любого вида товаров в Республику или их вывоз из нее незаконным путем без уплаты надлежащих таможенных налогов полностью или частично или в нарушение действующих положений в отношении запрещенных товаров».

Таможенный закон Сирии дал следующее определение контрабанды: «Ввоз товаров в страну или их вывоз в нарушение норм данного Закона и действующих законодательных актов не через таможенные пункты».

Что касается Таможенного закона Ирака, то его формулировка определения контрабанды схожа с определением контрабанды, данным Таможенным законом Иордании.

Таможенный закон Египта рассматривает преступление по контрабанде совершенным (наличие обязательных элементов) в случае:

- 1) ввоза товара в страну или его вывоза из страны;
- 2) если этот ввоз осуществляется незаконным путем, то есть прохождение товара через таможенные посты без соблюдения узаконенных путей его ввоза;
- 3) если этот ввоз преследует цель ухода от уплаты таможенных налогов или если он нарушает действующие положения в отношении запрещенных товаров.

Следует отметить, что в данном понимании преступление, связанное с контрабандой, сводится к запрещенным товарам без ограничения. Считается, что ввоз товара с нарушением норм лимитирования является нарушением положения об импорте.

Что касается Таможенного закона Сирии, то он обуславливает совершение преступления, связанного с контрабандой, следующими признаками:

- товар должен ввозиться в страну;
- этот ввоз осуществляется не через таможенные посты;
- в этом ввозе должно быть нарушение действующего законодательства, либо Закона о таможне, либо других законодательных актов.

Это означает, что ввоз товара через таможенные посты с соблюдением всех юридических требований не является контрабандой, даже если эти ввозимые товары относятся к числу запрещенных товаров. При этом следует отметить, что определение преступления, связанного с контрабандой, зафиксированное в сирийском Таможенном законе, идентично определению, записанному в проекте Единого таможенного закона, принятого Советом экономического единства в соответствии с его решением № 25/6/706 от 04.06.1975. Несколько арабских стран взяли некоторые статьи своих таможенных законов (особенно касающиеся видов контрабанды) из этого документа. Среди этих государств — Иордания, Сирия, Ирак, Египет.

Что касается Таможенного закона Иордании, то он собрал в определении преступления, связанного с контрабандой, все возможные варианты, так как признает в качестве контрабанды:

- 1) ввоз товаров в страну или их вывоз из страны;
- 2) этот ввоз или вывоз должен нарушать какой-либо законодательный акт, включая таможенное законодательство или любое иное законодательство. В связи с этим ввоз запрещенных товаров причисляется к контрабанде, даже если этот товар был ввезен через таможенные посты, так как это является нарушением действующего законодательства в отношении запрещенных товаров;
- 3) если результатом ввоза этого товара является уклонение от уплаты таможенных пошлин, других сборов и налогов. Это в равной степени касается уклонения от всех сборов или только от их части.

Здесь нам следует обратить внимание на то, что Таможенный закон Иордании не ограничивается указанием только на таможенные пошлины, а охватывает все сборы, как те, которые подлежат уплате в Таможенное Управление, так и те, которые должны быть уплачены в другие учреждения. Он также предусматривает случаи нарушения законодательных актов, связанных с запретом на импорт товара или с ограничением этого импорта.

4) Таможенный закон Иордании уравнивал в преступлении, связанном с контрабандой, понятия запрета и лимитирования. Таким образом, ввоз товаров в нарушение норм лимитирования также вводится в состав контрабанды.

Аспирант кафедры уголовного права и процесса РУДН М.С. Шаматрина
Актуальные вопросы судебного контроля в уголовном процессе России

С принятием УПК РФ 2001 г. на досудебных стадиях уголовного судопроизводства сложились следующие виды судебного контроля: 1) контроль за применением мер процессуального принуждения и проведением следственных действий, которые способны существенно нарушить или ограничить конституционные права и свободы граждан (ч. 2 ст. 29 УПК РФ), 2) контроль, который выражается в наделении суда полномочиями по рассмотрению жалоб на незаконные действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию (ст. 125 УПК).

С момента введения в досудебные стадии уголовного судопроизводства судебного контроля прослеживается тенденция, направленная на развитие данного процессуального института. Однако, несмотря на положительную оценку института судебного контроля в целом, говорить о его окончательном оформлении пока еще рано, поскольку отдельные аспекты судебного-контрольной деятельности на практике еще не решены.

Так, определенные опасения вызывает произошедшее недавно ограничение сферы прокурорского надзора за предварительным следствием. Речь идет об изменениях, внесенных в УПК РФ ФЗ от 05.06.2007 №87 ФЗ.

Разделяя в целом необходимость повышения процессуального статуса следователя, полагаем, что вряд ли это должно произойти за счет сужения полномочий прокуроров по уголовному преследованию и прокурорскому надзору за предварительным следствием. Учитывая низкий профессиональный уровень следователей, можно представить, какими, с точки зрения качественных характеристик, будут материалы, представляемые следователем в суд.

К тому же, говоря о подобном расширении функций суда по контролю за качеством следствия, следует учитывать существующую на сегодняшний день высокую служебную нагрузку судей районного звена как по рассмотрению уголовных дел, так и по рассмотрению материалов в порядке судебного контроля, что в ряде случаев приводит к формализму в деятельности судей по проверке ходатайств следователя, подаваемых в порядке судебного контроля.

Эффективность судебного контроля снижается также и за счет других факторов. Так, согласно УПК РФ, судья, принимающий в ходе предварительного расследования решения о применении меры пресечения, проведении следственного действия или рассматривающий жалобу по конкретному делу, в последующем может рассматривать данное дело и по существу. Естественно, разумно предположить, что принятие таких предварительных решений в рамках судебного контроля, в последующем, при осуществлении правосудия, сможет существенно повлиять на беспристрастность судьи, который невольно окажется связанным своим первоначальным решением. При рассмотрении ходатайства об избрании подозреваемому, обвиняемому в качестве меры пресечения заключения под стражу для судьи действует запрет на обсуждение вопроса о виновности лица в совершении преступления (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»), также при проверке тех или иных процессуальных актов предварительного расследования суду запрещается предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу (Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. №5-П), однако реализовать эти ограничения и избежать судейского предубеждения на практике крайне сложно.

В заключение отметим: на сегодняшний день процедура осуществления судебного контрольной деятельности урегулирована законом неполно. Так, в частности, УПК РФ не определяет круг обстоятельств, наличие либо отсутствие которых должно быть проверено судом при избрании меры пресечения; не предусматривает возможность допроса свидетелей, истребования судьей дополнительных материалов, относящихся к рассматриваемому ходатайству и т.д. (Бородинов В.В. *Невостребованный потенциал судебного контроля* // *Российская юстиция*. 2006. №5).

Аспирант кафедры уголовного права и процесса РУДН Д.А. Ширёв
Технология проведения контроля и записи телефонных переговоров

Контроль и запись телефонных и иных переговоров (КЗТП) — относительно новое следственное действие, которое имеет ряд преимуществ по сравнению с прослушиванием телефонных переговоров (ПТП) — оперативно-розыскным мероприятием, так как позволяет проще реализовать его результаты в качестве доказательства. Несмотря на сложный характер этого следственного действия, оно получило, на первый взгляд, довольно широкое распространение. Так, в 2006 г. было

выдано 89 тыс. судебных решений на его производство. Но если учесть, что по результатам моего выборочного исследования больше половины из указанных судебных решений касались только распечатки телефонных соединений, то распространенность КЗТП, то есть прослушивания в гласном виде, оказывается значительно ниже. Это обусловлено не только ограниченным кругом уголовных дел, по которым возможно проведение данного следственного действия, но и его сложным характером. Следующие рекомендации помогут следователям не допускать ошибок при производстве данного следственного действия, избежать сомнений в достоверности полученных данных, их относимости к расследуемому уголовному делу. Решение следователя провести КЗТП будет обоснованным, если он располагает данными о том, что лицо будет вынуждено воспользоваться переговорами по телефону, чтобы согласовать свою позицию о преступлении, о своей непричастности к его совершению с соучастниками; заручиться алиби, уговорить или же запугать потерпевшего, свидетеля, очевидца преступления; уничтожить доказательства, уличающие его в совершении преступления. Такая ситуация, в частности, возникает, если в ходе допроса, производства с лицом других процессуальных действий оно получает от следователя информацию, которая вынуждает его прибегнуть к телефонным переговорам. Следователю целесообразно при этом без промедления возбудить ходатайство о получении судебного решения для КЗТП. При подготовке к КЗТП и на этапе прослушивания переговоров следователю рекомендуется собирать информацию и закреплять ее при допросах свидетелей и потерпевших о лице, чьи переговоры прослушиваются, об индивидуальных признаках его речи (дефектах: заикание, картавость, шепелявость и т.п.), диалекте, использовании условных выражений, употребляемых при общении с доверенными людьми, которые значительно облегчат уяснение смысла «зашифрованных переговоров». Достижению названной цели поможет также аудиозапись показаний лица, чьи переговоры прослушиваются.

Без учета этих рекомендаций нередко при прослушивании фонограммы переговоров трудно понять, кто, с кем и о чем ведет переговоры. Трудно понять содержание переговоров порой из-за плохой слышимости, помех — посторонних шумов. Поэтому целесообразно привлекать специалиста-фонотехника к прослушиванию фонограмм, использовать имеющуюся в его распоряжении аппаратуру. Помощь такого специалиста будет полезна и при осмотре фонограммы перед ее прослушиванием. Согласно ч. 7 ст. 164 УПК следователь вправе привлечь к участию в осмотре и прослушивании фонограммы должностное лицо органа, осуществляющего ОРД. Важно, чтобы это был работник, который контактировал с лицом, чьи переговоры прослушиваются. Если переговоры ведутся не на русском языке или же с использованием фраз из другого языка, требуется привлечь к участию в анализируемом следственном действии переводчика. Все это поможет узнаванию (идентификации) речи прослушиваемого лица при осмотре и прослушивании фонограммы. Согласно ч. 6 ст. 186 УПК следователь в течение всего срока производства КЗТП вправе в любое время истребовать от органа осуществляющего прослушивание, фонограмму для осмотра и прослушивания, т.е. возможно составление ряда протоколов осмотра и прослушивания фонограмм по мере их поступления с использованием указанных рекомендаций. Если КЗТП осуществляется в течение длительного срока, то нужно быть осторожным при общении с лицом, чьи переговоры прослушиваются, грамотно использовать полученную при переговорах информацию, чтобы у лица не возникло подозрение о прослушивании.

Аспирант кафедры уголовного права и процесса РУДН Ю.А. Лысоконь
Виктимологические аспекты формирования мотивов
преступлений против личности

В уголовно-правовой науке сложилось достаточно устойчивое убеждение, что формирование и динамика мотивов преступлений против личности часто детерминированы поведением жертвы, особенностями взаимодействия и взаимоотношений потерпевшего с преступником. А.И. Долгова отмечает, что «всегда важно выяснять характер взаимоотношений преступника и потерпевшего, причем не ограничиваясь только ситуацией совершения преступления. Нередки случаи, когда между ними существовал затяжной конфликт. И, только зная о нем, можно понять мотивацию преступления» (Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. проф. А.И. Долговой. М.: Норма, 2001. С. 66).

Анализ научных публикаций дает основания утверждать, что процесс виктимизации и формирования виктимности (лат. *victim* — жертва) потерпевшего, а также одновременно преступной мотивации причинителя вреда состоит из совокупности, «цепочки» виктимологических ситуаций, охватывающих как стадию допреступного взаимодействия и формирования соответствующих отношений между будущей жертвой и потенциальным преступником, так и непосредственно стадию реализации преступного умысла.

Эмпирическое исследование мотивов преступлений против личности позволяет сделать вывод об их частом формировании у причинителя вреда под воздействием виктимного поведения потерпевшего. Когда говорят о таких мотивах криминальных деликтов, как вражда, месть, ревность и др., то с большой степенью вероятности можно утверждать, что их появление у преступника в определенной мере вызвано особенностями личности и поведения потерпевшего. Общее представление о мотивах расследованных преступлений дают материалы уголовной статистики РФ за 5 лет (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Сведения о мотивах расследованных преступлений за период 1999–2003 гг.
(по материалам ГИАЦ МВД России)

	1999	2000	2001	2002	2003
Кол-во расследованных преступлений	1140874	1125848	1104	821744	842369
в т.ч. совершенных по мотивам:					
сексуальных побуждений	10459	9586	9407	8509	8154
корыстных побуждений	557734	547661	532131	345409	384570
хулиганских побуждений	93647	91553	92953	76282	66318
ревности, ссоры и др. бытовых причин	170835	169245	156798	121135	121379
раздела сфер влияния	35	27	31	14	5
в т.ч. по мотивам вражды, ненависти, мести:					
национальной и расовой	123	117	97	104	98
религиозной	22	28	28	24	22

Абсолютные представленные цифры не дают возможности в полной мере сделать вывод о распространенности или динамике той или иной мотивации преступлений. Однако, если рассчитать соотношение преступлений конкретной мотивации к общему количеству расследованных преступлений, то картина становится более ясной. Приоритетными мотивами выступают: корыстные мотивы (более 48% от числа расследованных преступлений), мотивы ревности, ссоры и др. бытовых причин (более 15%), мотив хулиганства (более 8%). Если мотивы хулиганства и корысти в значительной мере определяются асоциальными ценностями и установками личности преступника, то мотивы ревности, ссоры и др. бытовых причин предполагают определенный «вклад» в их появление со стороны потерпевшего, влияния его личностных качеств и особенностей поведения. Поэтому целесообразно рассмотреть, каким образом эта мотивация (т.е. мотивы ревности, ссоры и других бытовых причин) причиняется в преступных посягательствах, их конкретных видах (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Сведения о преступлениях, совершенных на основе мотивов ревности, ссоры и других бытовых причин, расследованных в период 1999–2003 гг. (по материалам ГИАЦ МВД России)

Виды преступлений	1999	2000	2001	2002	2003
Убийство и покушение на убийство	11422	11320	11503	10280	10468
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	16749	17720	17623	16848	17504
Похищение человека	28	24	31	15	21
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	57	76	107	71	88
Кража	274	245	193	120	172
Грабеж	69	63	53	60	69
Разбой	43	36	52	45	31
Вымогательство	27	17	17	23	14
Поджог	601	522	535	427	381
Хулиганство	4497	3915	3459	2488	2056

Высокий уровень преступности по мотивам ревности, ссоры и других бытовых причин прежде всего отмечается по преступлениям против жизни и здоровья личности: убийство и покушение на убийство; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и др. Анализ статистических данных за 2003 г. показал, что их доля в числе общего числа расследованных за год преступлений этого вида составила соответственно 54,9 и 52,7%. 17,7% от общего числа умышленного уничтожения или повреждения имущества, совершенного путем поджога, совершены на основе мотивов ревности, ссоры и других бытовых причин. Общее число расследованных преступлений, совершенных на основе изучаемой мотивации, составило 14,4% (2003 г.) от количества всех расследованных дел за этот год.

Проведенное нами исследование позволяет придти к выводу о необходимости активизации общей и индивидуальной виктимологической профилактики преступ-

лений против личности на основе проведения комплекса мероприятий по формированию у граждан навыков безопасного поведения и коммуникаций с другими лицами, снижающими у последних уровень приемлемости противоправного поведения и мотивации криминальных деликтов против личности.

Магистр кафедры уголовного права и процесса РУДН А.Н. Горбенко
Пожизненное лишение свободы в системе уголовных наказаний РФ

Пожизненное лишение свободы лишает человека права на социальное самоопределение, что, в свою очередь, существенно ограничивает не только иные права личности, но и социальные перспективы ее развития. Россия продолжает занимать второе место в мире по числу лиц, осужденных к лишению свободы, уступая только США. Согласно данным организации «Международная тюремная реформа», количество лиц, находящихся в заключении, в расчете на 100 тысяч населения в европейских странах составляет: в Чехии — 217, в Румынии — 200, в Польше — 149, Германии — 85, Швеции — 65, Дании — 61, Италии — 55 человек. Статистика применения лишения свободы в странах бывшего СССР тоже свидетельствует о распространенности данного наказания. Так, например, в Казахстане количество заключенных составляет 560 человек, на Украине — 425, в Молдове — 375, в Латвии — 406. В Российской Федерации эта цифра составляет 630 заключенных в расчете на 100 тысяч населения. Подобная же статистика приводится в других источниках.

Пожизненное лишение свободы включено в систему уголовных наказаний как вид наказания. Оно не является исключительной мерой, как смертная казнь, хотя и введено как альтернатива последней. Вместе с тем в теории права пожизненное лишение свободы рассматривается не как самостоятельный вид наказания, а как разновидность лишения свободы. Осужденный к пожизненному лишению свободы продолжает участвовать в общественных отношениях, не исключается из них, правда, это особые отношения.

Перед пожизненным лишением свободы, в отличие от смертной казни, стоят все цели наказания, определенные в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Однако степень их достижения противоречива. Например, достижение цели исправления по отбытии не менее 25 лет, общаясь, главным образом с самим собой, надзирателями и другими осужденными, весьма сомнительно. Первостепенное значение в этом виде наказания уделено достижению цели частного предупреждения. И уж совсем сомнительно в процессе отбывания пожизненного лишения свободы достижение цели подготовки осужденного к жизни на свободе. Согласно уголовно-исполнительному законодательству РФ (ст. 125 и 127 УИК РФ) осужденные к пожизненному лишению свободы в течение первых 10-ти лет должны содержаться в строгих условиях, и они практически лишены возможности выбирать работу, могут только самостоятельно повышать уровень своего образования. Они содержатся в камерах по одному-два человека и выводятся из камер только на прогулку. Закон не закрепляет для них право на длительные свидания, существует масса других ограничений, как в общении с волей, так и в получении передач, утрачиваются связи с близкими.

Достижение цели общей превенции ограничено в силу недостаточной информации о тяжести отбывания данного вида наказания для третьих лиц. Источником подобной информации может быть только теоретическое осознание условий содержания осужденных рассматриваемой категории.

Изучение отечественных и зарубежных теоретических правовых источников, а также процесса отбывания пожизненного лишения свободы в России приводит к

выводу о том, что это наказание по своей юридической природе является разновидностью лишения свободы. Характеризуя пожизненное лишение свободы, О.А. Антонов утверждает, что оно не может рассматриваться как самостоятельный и основной вид наказания, что лишение свободы на срок или без срока все равно остается лишением свободы и не может существовать как отдельный вид наказания. При сопоставлении основных признаков этих видов наказания пожизненное лишение свободы, казалось бы, отличается от срочного лишения свободы только лишь отсутствием указания на момент прекращения его исполнения и отбывания. Карательная сущность рассматриваемого наказания состоит в более строгих, по сравнению с лишением свободы на определенный срок, условиях содержания, что, в свою очередь, может исключить возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в силу конфликтности, неуравновешенности личности виновного и обречет его на применение кары в течение всей последующей жизни. И все же возможность досрочного освобождения дает осужденному шанс к освобождению, а следовательно, к стремлению вести себя достойно. Задача государства — подготовить заключенного в условиях минимального общения к возможной жизни в обществе, что, в свою очередь, создает ряд неразрешимых проблем как правового, так и психологического характера, которые необходимо решать.

Магистр кафедры уголовного права и процесса РУДН А.А. Писенко
Частные случаи проявления коррупции в России

В современный период в России продолжается борьба с коррупцией. Причем, с одной стороны, — государственные органы говорят о необходимости усиления ответственности лиц, виновных в том или ином виде ее проявления, с другой, — в ряде статей УК РФ прослеживается явная тенденция снижения степени общественной опасности отдельных видов составов преступлений, охватываемых рассматриваемым явлением.

К таким составам относится преступление, предусмотренное ст. 170 УК РФ «Регистрация незаконных сделок с землей» и являющееся заведомо криминальной формой поведения должностных лиц, занимающихся экономической деятельностью. Состав этого преступления включает в себя совершение трех разных действий: регистрацию незаконных сделок с землей; искажение учетных данных Государственного земельного кадастра и умышленное занижение размеров платежей за землю. Эти действия, совершенные из корыстных побуждений (другой мотив — иная личная заинтересованность), как отдельно друг от друга, так и совокупно, вполне можно рассматривать как своего рода взятку. Однако преступление относится к категории небольшой тяжести, за его совершение предусмотрены наказания, не связанные с лишением свободы, а такое наказание, как лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью, является не обязательным в каждом случае, а лишь альтернативным к другим видам наказания: штрафу, обязательным или исправительным работам. То есть вполне допустима ситуация, когда должностное лицо, виновное в совершении нескольких сделок с землей, будет использовать свое служебное положение из тех же побуждений.

За злоупотребление должностными полномочиями (ч. 1 ст. 285 УК РФ) и взяточничество (ч. 1 ст. 290 УК РФ) предусмотрены более суровые санкции, однако и эти преступления относятся к категории средней тяжести. В УК РСФСР получение должностным лицом взятки без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 173) было тяжким преступлением, санкция за его совершение — до 10 лет лишения свободы с

конфискацией имущества. Случаи получения взятки при отягчающих обстоятельствах еще со времен Ивана Грозного карались смертной казнью. В УК РСФСР смертная казнь за получение взятки при особо отягчающих обстоятельствах была отменена только в 1993 году. Однако за это преступление предусматривалось наказание в виде лишения свободы на максимальный срок — до 15 лет, а случаи злоупотребления должностным лицом своим служебным положением при отягчающих обстоятельствах карались лишением свободы на срок до восьми лет (ч. 2 ст. 170 УК РСФСР), в действующем УК РФ — до 10 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. По сути, регистрация незаконных сделок с землей является частным случаем злоупотребления должностным лицом своим служебным положением.

Понятно, что причины сложившейся ситуации кроются в исторических особенностях развития нашей страны. Но уж, коль скоро на данном этапе предполагается ужесточение борьбы с коррупцией, уместно повысить максимальный размер санкции ст. 170 УК РФ с тем, чтобы наказание соответствовало бы степени общественной опасности, как, например, в случае с другими преступлениями коррупции (ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 290 УК РФ). В этой связи предлагается в санкции ст. 170 УК РФ после слов от «до ста восьмидесяти часов» добавить слова «или лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью оставить в качестве дополнительного. Предлагается также п. а) ч. 1 ст. 104.1 о конфискации имущества как иной мере уголовно-правового характера добавить в ст. 170.

Бакалавр кафедры уголовного права и процесса РУДН М.А. Струкова
Соблюдение основных прав и свобод осужденных
в рамках современной уголовно-исполнительной системы РФ

«Закон приводит виновного в тюрьму,
он должен его и там сопровождать.»
(Деказе)

Несмотря на крайнюю остроту сложившейся криминальной ситуации в России, процесс привлечения виновных к ответственности и в период отбывания ими наказания должен быть основан на неукоснительном соблюдении принципа законности.

Уголовное наказание — мера государственного принуждения, назначаемая по приговору государственного органа (суда), которая заключается в предусмотренном законодательством лишении или ограничении прав (свобод) виновного лица (ст. 43 УК РФ) — более чем какое-либо иное принуждение, связано с ограничением прав и свобод граждан, оказавшихся в сфере его воздействия. «Лицо, отбывающее наказание, становится субъектом особых правоотношений, в сферу внимания (регулируемого) которых попадают такие виды его поведения, какие в обычных условиях не служат предметом правовой регламентации» (Басков В.И. Правовой статус осужденных. 1978. № 2. С. 57).

Государство, наказывая осужденного, вынуждено ущемлять его права и интересы. Но пределы ущемления не безграничны. Закон охраняет осужденных от произвола со стороны органов, исполняющих наказание. Сфера исполнения наказания — это своеобразная «лакмусовая бумага», по которой действительно можно определить реальность, демократичность и законность практики обеспечения прав в том

или ином обществе. Отношение к лицам, совершившим преступление, к их правам, законным интересам и, соответственно, обязанностям, выступает в качестве важного элемента и одновременно индикатора правовой культуры и идеологии.

Многие правозащитники отмечают, что за последние годы одновременно с расширением объема прав в федеральном законодательстве происходит реальное ухудшение ситуации с правами человека в ряде сфер, связанных с положением осужденных (О мерах по обеспечению соблюдения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Рекомендации Президенту. 24.09.06. Архив ОЦС). Поэтому правильнее было бы говорить не о прогрессе, а о регрессе России в области соблюдения прав человека. В целом содержание осужденных в исправительных учреждениях не в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к учреждениям уголовно-исполнительной системы, по условиям содержания, нормам санитарной площади, бытовым условиям, а также санитарно-гигиеническим требованиям.

Условия содержания осужденных в российских пенитенциарных учреждениях порождают ряд новых проблем: скудное питание, нехватка лекарств, дезинфицирующих средств, недостаток медперсонала и пр. приводит к выходу на свободу лиц, нездоровых как физически, так и с отклонениями в психике.

После перехода в 1998 году тюремной службы (ГУИН, с 2004 г. — ФСИН) из МВД в Министерство юстиции РФ ситуация в местах лишения свободы стала постепенно улучшаться. Изменения к лучшему произошли, прежде всего, за счет сокращения численности тюремного населения России в два раза: с 1 млн. 63 тысяч (2000 г.) до 846 тысяч (начало 2007 г.), из них 162 тысячи содержатся в местах предварительного заключения. По общему количеству заключенных (ОКЗ) — относительному (на 100 тысяч) количеству заключенных — Россия (ОКЗ — 530) переместилась с первого места на четвертое. Сейчас нас опережают США (ОКЗ — 730) и Белоруссия (550). Однако в большинстве стран этот показатель ниже 300, и очень мало стран, где этот показатель выше.

Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016)» призвана обеспечить дальнейшее развитие уголовно-исполнительной системы, соблюдение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, и осужденных к лишению свободы, а также создать условия для реализации положений международных стандартов обращения с подследственными и осужденными.

Хроническое недофинансирование уголовно-исполнительной системы требует пересмотра положений Уголовно-исполнительного кодекса РФ, строго регламентирующих число посылок, передач, бандеролей, ограничивающих использование осужденными денег для приобретения продуктов питания, предметов первой необходимости, оплаты дополнительных услуг, в том числе и медицинских.

Российское уголовно-исполнительное законодательство сравнительно молодо и нуждается в совершенствовании. На наш взгляд, следовало бы уточнить механизм определения места отбывания наказания, который должен максимально учитывать личные семейные обстоятельства человека и запретить произвольный перевод осужденного в другие исправительные учреждения. Необходимо уточнить перечень «иных лиц», с которыми осужденному может предоставляться свидание, сделать более конкретным и жестким механизм социального и бытового устройства граждан, отбывших наказание. Возможно, для этого необходимо разработать федеральный закон о социальной реабилитации лиц, отбывших наказание.

Чтобы пресечь практику необоснованного применения силы и спецсредств, жесткого и унижающего достоинство обращения и наказания, таких «испытанных средств», как усиление ведомственного контроля и прокурорского надзора, явно недостаточно. Необходимо добиваться прозрачности исправительных учреждений для местного сообщества. Широкое гражданское участие в процедуре общественного контроля за соблюдением прав и свобод личности в пенитенциарной системе имеет несомненные перспективы и, в случае законодательного обеспечения, могло бы явиться выражением непосредственного народовластия.

**ACTUAL PROBLEMS
OF PENAL LAW AND PROCEDURE IN XXI CENTURY
(for materials a scientific — practical conference took place at the
department of penal law and procedure in june 2008)**

In June 2008 a scientific-practical conference in memory of Honored scientist of the Republic of Tatarstan, Professor Volkov B.S. took place at the department of penal law and procedure of the law faculty.

Professors, post-graduates and students made reports devoted to actual problems of penal law and procedure in XXI century. After that there was an interesting discussions of the problems stated, some original solutions were suggested. The conference included discussions of the latest changes in the sphere of Russian penal law and procedure, penitentiary legislation that had been made during last 2 years.

By the way, some trends of perspective development of penal law, procedure, criminology, penitentiary law were outlined. professors as well as post-graduates and students made interesting proposals about the improvement of current legislation and practice of its use.